

Проснувшись, первым делом тянусь к вороту пижамы и проверяю, на месте ли кулон, в котором я храню засушенный четырехлистный клевер. Пусть независимое исследование, проведенное в Швейцарии, и уверяло, что один четырехлистный клевер выпадает на 5076 трехлистных, мне понадобилось четыре месяца, чтобы такой найти.

Глажу кулон, говорю: «Удача, удача, я стану богаче», — затем встаю с кровати с правой ноги.

Надеваю браслет с подковой, кольцо с лунным камнем, сережки с желудями. Это дает мне слабую уверенность, что, пока я собираюсь на работу, мой дом не рухнет.

Давайте знакомиться: меня зовут Вика, и я хроническая неудачница. Если бы я жила в двенадцатом округе, меня бы выбрали для участия в «Голодных играх». Так что, возможно, это единственная моя удача в жизни — я не в Панеме.

Неудачницей я была всегда, сколько себя помню. Расскажу вам один случай из жизни, чтобы вы поняли, насколько все плохо.

Был конец марта, я, двенадцатилетняя, шагала в резиновых сапогах домой. Добиралась коротким путем — через гаражи, по узкой грязной тропинке. И вдруг услышала

хор мальчишеских голосов: все смеялись, улюлюкали. Среди этих голосов был и другой, жалобный.

— Ешь, ешь, ешь!

— Не буду, отстаньте!

Я нахмурилась, сразу поняла, чем пахнет дело: толпа издевается над слабым! Этого я допустить не могла, поэтому живо дернулась в сторону голосов.

Выйдя к одному из гаражей, я увидела, как стайка мальчишек — человек пять, примерно мои ровесники — заставляют самого низенького и щуплого есть грязный снег с маленькой, не до конца растаявшей кучки. У мелкого были заплаканные глаза, да и вообще выглядел он крайне несчастным.

Я выпрямилась, расправила плечи и грозно двинулась на обидчиков.

— Эй вы! Чего маленького обижаете?

Все головы разом повернулись ко мне.

— О-хо-хо! Это что за каланча? — заржал один из мальчишек.

— Столб! — подхватил другой.

— Дядя Степа!

— Вали отсюда, башня, пока в башню не получила!

Все засмеялись над «остроумной» шуткой.

Но оскорбления мальчишек не выбили меня из колеи. С самого первого учебного дня я была выше всех в классе на голову, а то и полторы, и насмешки сыпались на меня постоянно. Обидные прозвища вроде «Шпала» или «Швабра» приклеились ко мне на все школьные годы.

Валить я не собиралась. Вместо этого нащупала в кармане свисток — нас на ОБЖ научили всегда носить с собой свисток, чтобы отпугивать хулиганов, — достала его,

сделала шаг и... поскользнулась. Пятачок льда был крошечным и, думаю, единственным в радиусе тысячи километров.

Правая нога взорвалась вспышкой боли.

— А-а-а! — закричала я. — Нога! Нога!

Дальше произошло удивительное. Мальчишки не потерялись, позвонили в скорую. Сообразили, что машине между гаражей никак не проехать, поэтому где-то раздобыли санки. И вот все присутствующие — и обидчики, и их жертва, — действуя слаженно и перекрикивая друг друга, покатали меня на санках по грязи к выходу из проулка.

— Да помедленнее, не так трясите! А ты, — обратился один из обидчиков к жертве, — под ногу ей куртку засунь, чтобы толчки гасить!

Меня выкатили к дороге, дождались приезда скорой. Про то, что компания, вообще-то, издевалась над одним из ребят, уже забыли. Все говорили только про мою ногу.

— Да вывих это!

— Перелом у нее, я тебе говорю! Вон, видишь, кость торчит?

— Она в этом месте у всех торчит, придурок! Глянь свою ногу, там так же!

— Ни фиги не так же!

Рентген показал, что у меня тяжелый перелом. Заживала нога долго и мучительно. Что было дальше с тем мальчишкой, над которым издевались, не знаю. Я его больше никогда не видела.

Я живу со своей семьей в трехкомнатной квартире. Одну комнату занимают родители, другую — старший брат с женой и сынишкой, а третью — бабушка. Где сплю? В гардеробной. Там умещается матрас, и если положить

подушку на полку, а ноги — на ящик с игрушками, то мне, с моими ста восьмьюдесятью сантиметрами роста, даже не придется складываться.

Просыпаюсь я всегда в одно и то же время независимо от того, рабочий день у меня или выходной. Дело в том, что в ванную утром всегда очередь. И мое окошко — между племянником Костиком и дедушкой. Если не успею перед дедушкой, то в ванную без противогоза следующие два часа не зайти.

Квартира утром похожа на муравейник. Оля, жена брата, бежит за Костиком, чтобы одеть его в детский сад, брат Слава все время что-то теряет и ко всем пристаёт: «Где мои ключи? Не видели кошелек? Куда делись мои очки?» Папа бездумно слоняется по квартире с чашкой кофе, засыпая на ходу. Мама носится электровеником, хватаясь за десять дел одновременно. Хорошо, что дедушка обычно в это время еще спит.

Дергаю дверь совмещенного санузла — занято. К моему удивлению, я слышу, как внутри кого-то рвет.

— Мам, у нас кто-то отравился? — недоуменно спрашиваю я, тупо смотря на дверь. Рядом с ванной — кухня, где мама возится с завтраком: открывает упаковку готовых сырников и ставит их в микроволновку.

— Не слышала — удивляется мама, которая обо всем происходящем в нашей семье узнает первая. — А что такое?

— В туалете кому-то плохо.

Мама почему-то смущается. И тут дверь открываетсЯ. По привычке я смотрю перед собой — у нас в семье все высокие, — но никого не вижу. Потом опускаю взгляд и замечаю на уровне груди макушку Оли. Все время забываю, что невестка коротышка.

Ей тяжело живется в семье великанов. Чтобы сэкономить место, мы забиваем вещами все пространство до потолка. На кухне у нас выстроена башня: стиральная машина, на ней духовка, а на самом верху — микроволновка. Бедной Оле постоянно приходится вставать на стул, чтобы погреть еду.

Лицо у невестки сейчас совершенно зеленое.

— Что с тобой? — спрашиваю я. Оля отмахивается.

— Все нормально.

— Ты что, беременна? — шучу я.

Оля с мамой переглядываются так, будто от меня в этой семье что-то скрывают.

Я ахаю.

— Ты правда беременна!

— Ага, — нехотя признается Оля.

— Какой месяц?

— Четвертый.

— Что?!

Я ожидала услышать, ну там, первый или второй, но четвертый?

— И вы все это время молчали?! — Я в полном изумлении смотрю то на маму, то на Олин живот, не понимая, чего во мне сейчас больше — радости от новости, что у меня будет второй племянник, или возмущения, что мне так долго ничего не рассказывали. — Мам, ты ведь все знала!

Мама делает вид, что слишком увлечена разогревом сырников.

— Все знали, кроме меня!

— Вик, так Славик решил. — Оля садится за кухонный стол, обмахивается полотенцем.

— Что решил Славик? — Мой брат-гигант втискивается в тесное пространство кухни.

— Вы больше трех месяцев скрывали от меня, что ждете ребенка! — возмущаюсь я.

Брат примирительно улыбается.

— Витек, ну прости, нужно было перестраховаться.

— Перестраховаться? От чего? — бурчу я, садясь на стул. Раздается глухой «хрясь!», тут же еще один — и я оказываюсь на полу.

— От этого. — Брат кивает на мой стул, ножки которого решили сломаться в самый неподходящий момент.

— Когда мы пойдем в цирк? — В кухню заглядывает дедушка. Он уже много лет несколько не в себе. Наполовину — в реальном мире, а наполовину — в каком-то своем. И часто я думаю, что не прочь бы пожить в дедушкином мире. Там хотя бы есть цирк.

— У нас тут свое представление, — отвечает брат, помогая мне подняться. — С грустными клоунами.

Я наступаю брату на ногу, он ойкает.

— Мое невезение, между прочим, распространяется только на меня одну. — Скрежещу зубами, потирая ушибленный затылок, и переключаюсь на мысль о том, что скоро у меня появится второй племянник.

Я обожаю быть тетей. С Костиком можно здорово подурачиться, а когда надоест, достаточно просто вернуть его родителям. Эти мысли сменяются другими: когда дети подрастут, у меня, вероятно, заберут гардеробную, и мне придется спать в коридоре...

— Не только на тебя одну, — качает головой брат. — Стиральная машина нужна была всем.

Дома меня не подпускают ни к какой технике. Стоит мне до чего-нибудь дотронуться — оно обязательно ломается. Это уже случилось и с утюгом, и с блендером, и с пылесосом, и вот, в последний раз, — со стиральной

машиной. На этом родные поставили точку и объявили, чтобы я ни к чему не прикасалась. На самом деле это довольно удобно: теперь за меня и стирают, и гладят, и пылесосят. Хоть какой-то плюс от моего хронического невезения!

— Давайте завтракать. — Мама расставляет тарелки на столе. — Папа, садись.

— Мне нужно по делам! — важно заявляет дедушка и хватается за дверную ручку санузла.

— Нет! Только не до завтрака! — хором кричат все, но дедушка уже исчезает за дверью. И тут я понимаю, что пропустила свое окошко.

Не помню, был ли какой-то конкретный момент, с которого я стала невезучей. Мне кажется, невезение было со мной всегда.

Взять, например, школу. С учебой мне никогда не везло: учителя постоянно вызывали меня к доске, когда я не была готова, на экзаменах мне доставались самые плохие билеты. А однажды на лабораторной по химии из-за меня трое человек попали в больницу с отравлением: мы проводили опыт с сухим льдом, в результате которого выделялся углекислый газ, и я перестаралась.

Школу я кое-как окончила на тройки и ни в какой университет, естественно, не поступила. Но я и не особо стремилась — знала, что ничего не выйдет и никуда меня не возьмут. Поэтому я пошла работать официанткой в забегаловку «Гнутые вилки». Мне кажется, название кто-то предложил по приколу, а владельцу оно отчего-то показалось креативным. Название и вправду подходит заведению как нельзя лучше, но не думаю,

что идет ему на пользу. Сейчас мне двадцать, я все еще тружусь в «Гнутых вилках» — и уже один этот факт ставит на мне клеймо невезучей.

Новые зарядки и наушники у меня сгорают через три дня, мебель подо мной ломается, птицы постоянно гадят на голову, в магазине я встаю в самую медленную очередь, одежда расходится по швам в самый неподходящий момент, а когда я выхожу из дома, всегда начинается дождь — как будто надо мною постоянно висит личная грозовая туча. Я часто становлюсь жертвой мошенников и карманников: в интернете меня постоянно взламывают, с карты крадут деньги, на улице вечно что-нибудь выхватывают прямо из рук. Как-то у меня выдернули ананас и полку для ванной. А самое эпичное случилось, когда вор спер у меня мусорный пакет, доверху забитый использованными подгузниками Костика. Домашние потом долго надо мной смеялись, называли моего вора самым неудачливым вором в мире и шутили, что мы с ним могли бы стать отличной парой. Но мне было не смешно, ведь это моя жизнь.

У черного кота, которого я взяла из приюта, вылез целый ворох проблем, начиная от гиперестезии (бедолага до крови грызет себе хвост, вырывает клоки шерсти с попы, и вообще он тот еще садомазохист) и заканчивая тем, что кот совершенно не может определять расстояния и все время промахивается. Хочет выйти из комнаты — врезается в дверной косяк. Собирается прыгнуть с дивана на подоконник — приземляется посередине. И так как питомец может посоревноваться со мной за титул самого невезучего, то посередине обязательно оказывается то, на что приземлиться он

хотел бы меньше всего: например, мамин игольчатый массажный коврик.

Собственно говоря, так я и выбирала кота — по неудачливости. Остальные кошки в приюте спали, что-то грызли или играли, а бедняга Лаки, застряв головой в прутьях клетки, истошно орал. Когда я увидела эту несчастную морду, то поняла: это судьба.

Перед выходом из дома я собираю вещи, без которых не рискую появляться на улице: запасная одежда, огромная аптечка, второй телефон, карта, заламинированная распечатка всех важных телефонных номеров, несколько банкнот и паспорт (в непромокаемом чехле), отпугиватель собак, сигнальная ракета, перочинный нож, веревка, зонт, дождевик, водонепроницаемые чехлы на обувь, антисептик и многое-многое другое. Из самого необычного, пожалуй, — шлем и портативный женский писсуар. Я довольно часто застреваю в лифте, а на голову мне почти каждый день что-то падает. Как-то на меня приземлился кусок пиццы. И судя по тому, что удар вышел очень болезненным, пиццу выкинули этажа с пятого, не ниже. Спасибо уже за то, что это было не пианино. Но с тех пор я прохожу под балконами со шлемом на голове.

Шлем у меня красивый, кожаный, для верховой езды. Если сильно не приглядываться, его можно принять за стильную кепку. Так что прохожие не слишком удивляются, почему я иду по улице в шлеме. Но Кира, моя школьная подруга, впала бы в ужас, если бы увидела меня в таком виде. И ни за что не согласилась пойти со мной, пока я бы не переоделась. Такое случалось постоянно: если ей не нравился мой вид, она отправляла меня переодеваться...

Поймав себя на том, что снова думаю о Кире, я грустно улыбаюсь своему отражению. Хотя мы и не общаемся много лет, раны, которые она мне нанесла, еще не затянулись.

Толкая дверь подъезда, немного мешкаю в проеме, собираясь с духом, словно выхожу на гладиаторскую арену. А до работы мне всего пятнадцать минут пешком.

На дворе вторая половина октября. Низкое осеннее солнце, озаряющее все вокруг мягким желтым светом, почти не ощущается на коже. Асфальт блестит от луж, в воздухе стоит запах прелых листьев и мокрой земли.

Надеваю свой стильный шлем и делаю шаг вперед.

Что же произойдет в этот раз?

Сначала меня окатывает водой поливальная машина, смывающая грязь с дороги, затем, когда я прохожу мимо дворника, который сгребает листья, поднимается ветер, и вся куча оказывается на мне. Листья прекрасно липнут к мокрому, и я теперь напоминаю гигантского осеннего йети. По моей ноге проезжают тележкой, я наступаю в лужу и проваливаюсь по шиколотку, какой-то ребенок тычет в мою куртку мороженым, из овощной палатки на меня валятся помидоры.

И вот я на работе. Днем это столовая, вечером же заведение превращается в пивнушку. В воздухе неизменно стоит микс запахов столовской еды и кислого пива. Удивительно, но народу здесь всегда прилично: сюда заходят пообедать рабочие консервного завода (где, кстати, трудится мой папа), а дешевое пиво и веселые акции привлекают клиентов по вечерам.

Хотя по документам я тут официант, на деле в мои обязанности входят и уборка, и починка, и мытье посуды, и многое другое. Директор этого заведения в курсе

моего невезения и закрывает глаза на то, что из-за меня тут постоянно что-то идет не так. Видимо, желающих делать такую работу за мою зарплату не так уж много.

Удивительно, но за день в «Гнутых вилках» случаются только две неприятности: днем вырубает электричество, а вечером, неся два подноса с пивом, я поскальзываюсь и, уронив оба, падаю на осколки.

У меня сменный график: два дня работаю по двенадцать часов, затем два отдыхаю. Поэтому на следующий день, в пятницу — в свой выходной — встречаюсь с другом в баре. Я прихожу первая и машу ему, как только замечаю у входа высокую фигуру.

С Мироном мы дружим еще со школы, и так как внешне мы похожи, нас часто принимают за брата и сестру. Мы одного роста, носим один размер одежды, у нас обоих светлые непослушные волосы (которые у Мирона из-за короткой прически смешно торчат в разные стороны) и резкие черты лица.

Но если бы меня попросили нарисовать Мирона Березина, он бы получился у меня таким: желтый «Лифан Смайли» с наклейкой на заднем стекле в виде полосатого кота, очки в мятной оправе, малиновый стаканчик для кофе в руках как неизменный аксессуар, уродливый брелок-шар из перьев, висящий на лямке мешковатого рюкзака, и узкие джинсы (бунт против трендов).

Как же я благодарна судьбе за то, что она послала мне Мирона. Без него я бы совсем пропала. С дружбой, как и со всем прочим, мне никогда не везло, но Мирон был исключением.

До встречи с ним у меня была одна-единственная подруга — та самая Кира. «Токсичная подруга», — поправляет меня мой внутренний психотерапевт. Каждый раз,

когда я вспоминаю Киру, он просит добавлять это определение.

Так вот. Моя токсичная подруга Кира общалась со мной только тогда, когда это было нужно ей, самоутверждалась за мой счет и использовала как грушу для битья: выплескивала на меня свою злость за то, в чем я даже косвенно не была виновата. У меня не было никакого опыта в дружбе, и я считала, что такое обращение — норма. Сама «подруга» постоянно подливала масла в огонь и повторяла, что у нас с ней абсолютно нормальные взаимоотношения. И если мне что-то не нравится, то это я странная. И я ей верила.

Все изменилось, когда я смогла оборвать эту «дружбу» и встретила Мирона.

Мирон переехал в наш район и поступил в нашу школу, когда я перешла в девятый класс, а он — в десятый.

В начале того года нас двоих отправили помогать с организацией городского марафона. Мы размечали трассу дорожными конусами. Трасса была пятикилометровая, так что работа предстояла долгая, и нам надо было о чем-то болтать. Вот мы и болтали, выяснили, что у нас много общего и вообще нам двоим здорово друг с другом.

Мирон — настоящий. Он невероятный друг: добрый, отзывчивый, внимательный, готовый прийти на помощь в любую минуту.

Но есть в Мироне и один недостаток. Он гуру сайтов знакомств и больше, чем свою, хочет устроить *мою* личную жизнь, постоянно предлагая мне кандидатов для свиданий. Поправка: *предлагал*. Последние три романа были настолько неудачными, что я еще

не отошла от них и пока не собиралась вступать в новые отношения.

Один парень попросил у меня денег в долг и исчез. Потом вскрылось, что он не только взял в долг, но еще и оформил на меня кредит. Мне пришлось обивать пороги разных организаций и доказывать, что это не я.

Второй парень требовал чуть ли не ежеминутных отчетов с фото: где я, с кем и что делаю. Везде искал потенциальную измену и постоянно ко всему цеплялся. Это быстро меня утомило. Последней каплей стало другое. Дело в том, что у меня есть хобби: в свободное время я пишу книгу (расскажу о ней чуть позже). И этот парень попросил прочесть ее, а после пришел ко мне с десятистраничным отчетом с замечаниями. Где-то на пятой странице, устав слушать об «отсутствии внутреннего стержня» у моей героини и «слабой, невнятной структуре сюжета», я сказала, что нам надо расстаться.

Третий парень сначала казался нормальным, но как только дело дошло до постели, вскрылось, что у него не все дома. Он хотел, чтобы во время секса у меня на голове было мусорное ведро.

Сам Мирон в отношениях не состоит. Но не потому, что ему не везет, а потому, что слишком уж длинный у него список критериев к спутнице жизни. Например, его избранница должна любить черепах и быть «жаворонком».

Как только мы садимся за столик, Мирон с ужасом останавливает взгляд на моих перебинтованных руках.

— Ерунда, — опережая я его вопрос. — Всего-то уронила пару подносов с пивом и приземлилась сверху.

Правда, начальник обещал вычестить расходы из моей будущей зарплаты, а я и так торчу Славику пять тысяч...

Мирон сочувственно качает головой.

— Викусь, может, поищешь другое место? — спрашивает он. — Твоя работа — кошмар. Вон, Катя начинала с официантки в «Бегемоте», — упоминает он модный ресторан, — и поднялась там уже до менеджера. А она пришла позже тебя.

Я морщусь. Не люблю разговоры про чужой успех, а еще когда меня сравнивают с кем-то и намекают, что я ни к чему не стремлюсь и болтаюсь в проруби, как то самое.

— Все бессмысленно, — вздыхаю я. — Меня не берут в приличные места. Я им все время не подхожу.

Мирон смотрит на меня недоверчиво.

— Когда ты в последний раз подавала куда-нибудь резюме?

— Не знаю, может, год назад, — неуверенно говорю я. — Или полтора.

— Вот! — победно восклицает Мирон. — А говоришь, не берут!

К нам подходит официант. Я заказываю коктейль «Удача викинга» с медом и можжевельником, Мирон останавливается на чем-то попроще — просит пиво. А вот Кира обязательно потребовала бы, чтобы я заказала то же, что и она. Нет, во времена нашей дружбы мы еще не пили алкоголь, в кафе брали безалкогольные напитки и... Стоп! Я что, снова думаю о Кире?

— Все бессмысленно, — возвращаюсь я к нашему с Миром разговор, когда официант уходит. — Мое невезение все равно меня не пустит.

— У тебя всегда одна отговорка: невезение да невезение! — сердится друг, потом задерживается взглядом на моих волосах и тянется ко мне рукой. — У тебя там...

Он не договаривает.

— Что там? Тарантул? Змея? Я горю? — пугаюсь я.

— Нет, всего лишь жвачка, — успокаивает Мирон. — Но я не смогу ее убрать. Придется резать.

Я достаю перочинный нож с кучей приблуд, отыскиваю там ножницы и протягиваю Мирону. Он отрезает жвачку вместе с прядью. Затем косится на меня.

— Нет, знаешь, я все-таки признаю, что ты невезучая, — в конце концов говорит Мирон.

— Да ладно? — Я изображаю удивление. — И тебя смогла переубедить только жвачка в волосах?

— Нет, я просто все-все сопоставил. К тебе действительно липнет неудача. Но! — Он понижает голос и берет выразительную паузу. — Я думаю, ты сама на это влияешь. Ты веришь в то, что невезучая, вот и притягиваешь неприятности.

— Думаешь, я не пытаюсь с этим бороться? — хмурюсь я. — Я уже прочитала гору книг. И «Кузнец своего счастья», и «Как управлять удачей», и даже «Большую книгу нашептываний». Мне ничего не помогает.

Официант приносит заказ. Я делаю глоток коктейля, чувствуя, как медовая сладость обволакивает нёбо.

— Значит, будем решать твою проблему по-другому. Мирон достает из рюкзака книгу.

— Это что, хроники судьбы? — усмехаюсь я.

— Не, лучше — советская фантастика!

— Ты хочешь мне погадать на «Последнем эксперименте профессора Захарова»? — Я непонимающе смотрю на обложку.

— Ага! — гордо отвечает Мирон.

— Звучит обнадеживающе, — говорю я с сарказмом. — И в чем суть?

— Ты назовешь мне два числа. Первое от одного до... — Мирон пролистывает книгу до конца. — Пяти-сот сорока трех, второе — от одного до сорока. А я прочитаю тебе выбранную строчку из книги.

— И как строчка из книги решит мою проблему?

— Она поможет тебе лучше понять себя, вытащить на поверхность твое бессознательное, выявить источник проблемы и разобраться с ней, — говорит друг тоном инфоцыгана, рекламирующего курс, без которого ты определенно продолжишь жить не так.

Я поднимаю со стола меню, рассматриваю, что под ним.

— Чего ты делаешь? — недоуменно спрашивает он.

— Ищу листок с текстом твоей вдохновляющей речи, — язвлю я. — Признайся, ты мне сейчас будешь впаривать эти свои суперские «Хроники судьбы профессора Кузнецова» за миллион!

Мирон тяжело вздыхает.

— Ты невыносима! Во-первых, не Кузнецова, а Захарова. Во-вторых — не «Хроники судьбы», а «Последний эксперимент». И в-третьих — гадать можно абсолютно на любой книге. И только потому, что мне реально больно наблюдать за тем, как ты гниешь в своем болоте, я продолжу. Давай называй мне числа.

— Ну ладно. Двести шесть и восемнадцать.

Внимательно слежу за тем, как Мирон ищет нужную строчку. Хотя к подобному я отношусь скептически, я все-таки заинтригована и потому не произношу ни слова.

— «Командир! Для компенсации фоновых искажений требуется синхронизация с источником стабильных колебаний!» — выпаливает Мирон.

Несколько секунд мы оба потрясенно молчим.

— Синхронизация... с источником чего? — Я напряженно тру лоб.

— «С источником стабильных колебаний», — повторно читает Мирон.

— А это чего такое?

Он пожимает плечами.

— Тебе должно подсказать твое бессознательное. Видимо, это, э-э-э... Что-то надежное, что не подводит.

— Что-то, что работает, как часы. Или кто-то... — задумчиво говорю я, и тут меня осеняет. — Стой! А что, если «стабильные колебания» — это удача?

Мирон вчитывается в книгу.

— Ну не знаю...

Я оживляюсь и продолжаю мысль:

— Смотри: фоновые искажения — это мое невезение. Стабильные колебания — это удача. А их источник — это... это... — Я усиленно думаю. — Это кто-то везучий! А синхронизация — это наш с ним контакт!

Мирон прыскает пивом.

— Контакт? Какой контакт?

— Не знаю. Может, физический?

Мирон заходится кашлем.

— Тебе что, надо будет с ним?.. — Он соединяет два пальца одной руки в колечко и просовывает внутрь указательный палец другой.

— Необязательно *такой* контакт, — смущаюсь я. — Может, хватит и поцелуя!

Мирон смотрит на меня круглыми глазами.

— Ты хочешь сказать...

— Да! — радостно перебиваю я его. — Нужно найти везучего парня и поцеловать. И тогда его удача перейдет мне!

Мирон хмурится.

— Это не то. Так не работает.

— Это то, Мирош, это то! — выпаливаю я на эмоциях. — И у меня — сработает!

Мирон какое-то время молча меня разглядывает.

Наверное, я кажусь ему сумасшедшей. Сердце бешено колотится, щеки горят.

Я думаю, что Мирон сейчас начнет со мной спорить, но он вдруг протягивает:

— Вообще, тут нет никакой магии. Если ты сама *действительно* веришь в то, что удача придет к тебе после поцелуя везучего парня, я только за.

— Отлично! — радуюсь я. И озабоченно спрашиваю: — А где нам искать этого везучего? В моем окружении такого нет. Может, у тебя есть?

Мирон учится в престижном университете на факультете «Медиа и дизайн». По его рассказам складывается впечатление, что это не учебное заведение, а сборище невероятных счастливиц, и попасть туда — уже удача. Классная насыщенная жизнь, интересные предметы, тусовки, любовь, дружба — прямо как в американских ромкоммах о студенчестве. Может, там и найдется для меня хотя бы один везучий?

Мирон задумчиво смотрит в окно, делает глоток. Потом его озаряет:

— Да, есть один вариант. Но учти, ужасно мерзкий тип.

— Отлично! — радуюсь я. — Кто он?

Мирон ищет что-то в телефоне, а затем протягивает мне.

— Вот.

На экране видео. Дерзко ухмыляющийся парень, активно жестикулируя, обращается к зрителям. Весь мой душевный подъем мигом гаснет. Я знаю его. Это блогер Тимур Мерзликин. Действительно крайне мерзкий тип. Он ведет пикаперское шоу, где дает просто отвратительные советы по отношениям. Объективирует женщин, говоря о них так, будто речь идет о каких-то вещах.

— Пацанессы привыкли к одной и той же схеме подката, — самоуверенно вещает он. — Привыкли, что их сразу осыпают комплиментами, и против этого они выработали защиту. Так что первое: пробиваем их щит. Делаем «токсичные» комплименты. Например, подходим к пацанессе в баре и говорим: «А ничего такое платье. Только вот эти кроссовки к нему вообще не в тему». Или, если на улице, можно так: «Эй! Классно, что ты такая смелая: с таким ростом ходишь без каблуков!» Если дело происходит зимой, вот еще вариант: «Слышь! Замерзла? Нос красный, как у эскимоса! Прыгай ко мне в тачку, погрею!» От такого ее программа точно даст сбой, пацанесса впадет в ступор, и у вас будет шанс удержать ее еще ненадолго и проявить себя. Пацанессы любят дерзких мерзавцев, так что вперед!

От очередного «токсичного» совета я презрительно морщусь.

Тимуру двадцать один. Он очень популярен, у него миллионы подписчиков. Он меняет девушек как перчатки, и все его партнерши — простите, «пацанессы» — невероятные красотки. Это неудивительно, ведь он

ужасно привлекателен. Высокий кареглазый брюнет с мраморной кожей, узким лицом и волевым подбородком. А еще у него кудри, как у Джона Сноу, но взгляд далеко не щенячий. Взгляд у него скорее как у Джейме Ланнистера — самовлюбленный, хитрый и надменный.

Тимур учится с Мироном в одной группе. По его рассказам, Тимур — типичный мажор-тусовщик, который постоянно выпендривается, придуливается и хвастается своими бесконечными романами.

Это он — тот самый везучий? Ох, и с ним мне придется целоваться? Жуть! Тимур производит на меня крайне отталкивающее впечатление. В нем бесит абсолютно все: вид этот нахальный, дурацкий голос. И взгляд, и кудри, и его сильные руки, и пальцы эти... Длинные, с ногтями правильной овальной формы... И вон та родинка... на шее...

— Эй, ты чего залипла? — Возмущенный голос Мирона выводит меня из морока.

— А никого другого нет? — ною я.

— Не-а! Но он просто твой идеал! — восторженно заверяет друг. — Ему во всем везет, стопроцентно! По поводу учебы он никогда не парится: к экзамену прочитает один билет, его и вытягивает. Он сам этим хвастался.

Внутри меня все протестует.

— Это может быть случайностью.

Мирон прищуривается, явно размышляя над новыми аргументами, которые точно отправят меня в нокаут. Я вижу, что друг уже не так скептически настроен по отношению к моей идее. Кажется, он и сам начинает в нее верить.

— А как тебе такое, Илон Маск? Он выиграл в лотерею дом!

Я смотрю на Мирона и наклоняюсь ближе, ожидая услышать подробности. Лотерея — это уже интересно. Выигрыш в лотерею *кричит* о везении, с этим не поспоришь.

— Дом? Какую-нибудь халупу в деревне? — спрашиваю я с напускным безразличием.

Но Мирон уже довольно улыбается, видя, что поймал меня на крючок: я впечатлена.

— Ага, как бы не так! Огромный домина. Таунхаус! В элитном районе: лес, свежий воздух, все дела. А билет купил за пятьдесят рублей. Представляешь, каким мизерным был шанс выиграть?

Я вздыхаю. Больше нет смысла обманывать себя. Этот парень — тот, кто мне нужен. Но что-то все еще терзает меня. Я смотрю на экран, вижу его лицо, и внутри все леденеет от ужаса. Кто угодно, только не он. Не знаю почему, только мне кажется, что с ним ничего не выйдет. Я не могу внятно объяснить не только Мирону, но и самой себе, что именно в нем не так. Знаю только одно: я не хочу подходить к нему, знакомиться с ним, целоваться... От мысли о поцелуе с Тимуром у меня перехватывает дыхание.

Вот бы с ним что-то оказалось не так. Вот бы ничего не получилось...

— И как ты меня с ним сведешь? — мрачно уточняю я.

Мирон взрывается хохотом.

— Сведу? С ним? Да он вообще не знает о моем существовании! В универе смотрит на меня и других «простых смертных» как на пустое место. У него свой круг

общения, куда входят только избранные. К нему так просто не подобраться.

Я выдыхаю с облегчением. Это именно то, что я ожидала услышать! Та самая причина, которая даст мне повод не знакомиться с этим парнем.

— Ну все! — Почти с радостью я плюхаюсь обратно на стул, который предательски начинает трещать подо мной. Сколько стульев подо мной сломалось за всю мою жизнь? Сначала я считала, а потом сбилась. — Значит, ничего не получится!

— Есть одна идея. — Мирон поднимает указательный палец. — Мажорчики из универа собираются на выходные в загородный клуб отмечать Хеллоуин.

— Думаешь, мне удастся получить приглашение? — сомневаюсь я.

Мирон смотрит на меня с раздражением.

— Конечно нет!

Друг показывает мне телефон.

— Вот страница Мерзликина. Он опубликовал новость. Я читаю.

«Хо-хо-хо, на Хеллоуин оторвемся в „Зависти“. Джакузи и „Макаллан“ — ждите, папочка едет!»

Меня тошнит. И это только от его писанины! План с каждой минутой кажется мне все более глупым.

— Мы знаем, где это будет и во сколько, — говорит Мирон. — Можно поехать пораньше, перехватим его у входа, ты подойдешь к нему и...

— Как же я к нему подойду? — тупо спрашиваю я. — Как поцелую? Насильно? Он меня оттолкнет!

Мирон сердится.

— Ты хочешь получить свою удачу или нет? Если хочешь, то придумай как!

— Нет, ничего не выйдет, — упрямлюсь я. Чувствую, что это будет провал, и, кроме позора, наша афера мне ничего не принесет.

— Слушай, это, вообще-то, твоя идея! — негодует Мирон. — Ты сама истолковала так строку из книги, решила, что тебе надо поцеловать везучего парня! Сначала была такая смелая, а как дошло до дела, то сразу в кусты, да? Испугалась?

Я понуро опускаю голову. В чем-то Мирон прав. Но не во всем.

— Дело в этом парне. — Помолчав, я решаюсь открыться. — Я не могу повернуть это с ним. Он... меня отталкивает. И пугает. — Это действительно так. Когда я представляю на месте Тимура любого другого парня, то точно вижу, что все пройдет успешно. Но именно с ним в моем видении все идет наперекосяк. Я ною: — Мирош, может, все-таки у тебя есть еще какой-нибудь везучий?

— Нет! — рявкает друг. — Или он, или никто!

Я расстроено вздыхаю.

— Ну, берешь или нет? — грозно спрашивает Мирон. Я мотаю головой.

Мирон смотрит на меня с разочарованием.

— Знаешь, Полукарова, а может, никакого хронического невезения не существует, а ты сама и есть причина всех своих неудач?

Я демонстративно делаю глоток коктейля из второго бокала, отстраненно смотрю на стену и делаю вид, будто не слышала Мирона. Мы переводим тему и больше не возвращаемся ни к невезению, ни к книге, ни к Тимуру. Все остальное время общаемся мило, но все-таки я чувствую напряжение. Мирон явно сердится

на меня за мою нерешительность. А я сержусь на себя за то, что Тимур по непонятной причине перепутал мне страницы.

* * *

На работе заболела уборщица, и начальник поручил мне временно ее подменить. Такое уже бывало, и я с тоской плетусь к подсобке, где стоит тележка с принадлежностями для уборки.

Оттирая с пола черные полосы, оставленные ботинками, я вдруг снова чувствую себя в школе на генеральной уборке.

Но самое неприятное дело ждет меня впереди.

Вкатывая тележку в женский туалет, я сталкиваюсь в дверном проеме с девушкой. Я не смотрю на нее, но боковым зрением замечаю блестящие длинные рыжие волосы и короткую кожаную куртку. От девушки пахнет дорогим парфюмом. Я прижимаю тележку к стене, чтобы освободить ей проход.

— Вика? — раздается удивленный, до боли знакомый голос. Этот голос переворачивает все внутри и превращает меня в долговязую девчонку, которая в свои тринадцать уже устала от жизни. Оттого, что она никому не нравится и что на голову выше всех остальных. От насмешек, неудач, оттого, что она часть непримечательной серой массы и в то же время выделяется среди всех, но далеко не тем, чем хочется... *Всё* в ее жизни не так, как хочется, не так, как должно быть. Не так, как у других... Не так, как у... Киры.

— Кира! — Я натягиваю радостную улыбку. Ох, каких усилий она мне стоила, ведь мне не до радости — внутри играет похоронный марш.

Она по-прежнему красавица. Даже стала еще красивее. Точеное лицо, большие глаза с идеальным макияжем, пушистые ресницы, полные губы, густые рыжие волосы, изящная фигура с тонкой талией, идеальный рост: такой, что можно надеть высокие каблуки и превратиться в топ-модель, а можно обуться в кеды — и стать Дюймовочкой.

С Кирой мы учились в одном классе и жили в соседних домах. Тесно дружить стали лет в девять. Тогда у меня были зачатки дружеских отношений и с другими ребятами, но позже все они отмерли, и осталась одна Кира. Как оказалось позднее, именно она постаралась, чтобы у меня не было никого, кроме нее. Так ей было проще мной манипулировать.

Только разорвав наши отношения, я поняла о Кире все. Подлая, завистливая, нарциссичная, жадная. Но Кира во многом была тогда более развитой, чем я, ее отличали хитрость и ум. А я была простой наивной девочкой. И она управляла мной, как марионеткой, дергая за ниточки.

Я не замечала недостатков Киры. Считала ее хорошей подругой, открытой и доброй, красавицей, которая всем нравится из-за своего хорошенького личика и дружелюбия. Она со всеми могла найти общий язык. Все взрослые были от нее в восторге, в том числе и моя семья. Она хорошо училась, успевала во всем: учеба, танцы, вокал, книги.

Что же она делала плохого?

Моя самооценка всегда была ниже плинтуса, а Кира опускала ее еще ниже. Спокойно могла назвать меня

страшненькой и отметить, как мне повезло, что со мной дружит такая красотка, как она. Кира принижала и другие мои качества. Я неважно училась, и она помогала мне с домашкой. Но цена за эту помощь была слишком высокой, ведь Кира постоянно напоминала мне, что я невежда и только благодаря ей, такой умной и прилежной ученице, меня еще не выгнали из школы. Она даже врала мне, что ей это говорят учителя.

В нашей дружбе было много всего странного, от чего я порой недоумевала даже тогда, но Кира постоянно выдавала это за норму. Я занимала ей очередь в школьной столовой или же вообще стояла там одна и покупала обед и себе, и ей. Если Кире нравилась какая-то моя вещь, она просто забирала ее. Мы делали только то, что было интересно ей, с моим мнением она никогда не считалась. У меня не должно было быть ничего более хорошего, чем у нее. Если я вдруг каким-то чудом получала оценку выше — значит, в следующий раз специально должна была написать работу хуже, чтобы в итоге общий результат Киры был лучше.

Кира оградила меня от одноклассников, тщательно следила, чтобы со мной никто не смел общаться. Она делала это по-умному, хитростью и уловками, так, чтобы никто ничего не заподозрил. Я была игрушкой в ее руках. Захочет — приласкает словом, надоест — выбросит. Чтобы потом снова поднять...

Она повторяла, что я никому не нужна. Что без нее я ничто, пустое место.

Вот что вдалбливала эта гадина мне на протяжении многих месяцев и даже лет. И я верила всему, что она говорит. И больше всего на свете боялась остаться одна, без Киры. Это стало моим триггером.

Да. Кира сломала меня. Я полностью принадлежала ей.

Один случай изменил все. Благодаря ему я смогла посмотреть на то, что происходит между мной и Кирой, со стороны. Мне будто открыли глаза, и я нашла в себе силы разорвать эти отношения. Только сколько еще потребуется времени, чтобы склеить себя по кусочкам?

И вот Кира смотрит на меня и мою тележку так, будто она кладоискатель, вдруг наткнувшийся на сундук с сокровищами.

Да уж, я для нее сейчас действительно сокровище. Узнать, что бывшая подруга, которая с тобой разругалась, теперь моет туалеты в забегаловке, чье название говорит само за себя! Это целый золотой город. Тем более после ее слов о том, что я без нее — пустое место. Вижу по глазам Киры, что, не поиздевавшись, она не уйдет.

— Сто лет тебя не видела! Как твои дела? — миролюбиво спрашиваю я.

— У меня все прекрасно, учусь, тусуюсь. — Она гордо улыбается и, окинув взглядом мою тележку, издает короткий смешок: — У тебя, я вижу, все тоже ничего.

— Вообще, я тут работаю официанткой. — Я ругаю себя за то, что оправдываюсь перед ней, но ничего не могу с собой поделать. Рядом с Кирой я, как в школе, превращаюсь в собачку, которая трясется уже от одного строгого слова своего хозяина. — Просто уборщица заболела и...

— Да, я так и подумала, — по-змеиному улыбается Кира. — Конечно. И официантка — это, наверное, твоя временная должность?

— Да, — охотно соглашаюсь я, подбадриваемая словами Киры. — Я планирую подняться по карьерной

лестнице в ресторанной сфере. Скоро получу должность выше.

— Конечно, конечно, — кивает Кира, и тут меня осеняет, что она начала издеваться надо мной куда раньше, чем я это заметила. — «Гнутые вилки» — подходящее тебе место для старта.

Я ничего не отвечаю. Я заслужила этот удар — сама его проморгала.

— У тебя уже приняли заказ? — спрашиваю я, чтобы перевести тему и все-таки доказать, что я не работаю тут уборщицей. — А то я на замене, и официантов приходится ждать дольше обычного.

Кира улыбается, смотрит на меня со снисходительной жалостью и, замахав руками, восклицает:

— Ты что! Чтобы я что-то взяла в таком месте? Я просто заскочила в туалет. Думала, дотерплю до заправки, там туалеты чище. — Она косится на швабру у меня в руках. — Но не дотерпела, слишком много выпила в дороге воды «Кристалль»... — называет она элитную марку, затем строит издевательски-милую гримаску, которая почти не скрывает злобного удовлетворения, и добавляет: — Прости, была бы рада поболтать, расспросить, как у тебя дела, хотя сама вижу как... но я очень спешу.

— Да, конечно, — растерянно отвечаю я и пропускаю ее к выходу.

— Еще увидимся! — говорит она так, что я не сомневаюсь: Кира теперь часто будет заезжать сюда в туалет, чтобы поглумиться надо мной.

С каждым днем мое будущее станет выглядеть все безрадостнее и безрадостнее. В конце концов меня переведут в уборщицы на постоянку, а Кира будет ежедневно

вытирать об меня ноги, совсем как в школе. В принципе, можно и потерпеть — жить осталось всего-то лет шестьдесят. Семьдесят, если повезет, однако это не обо мне.

Вдруг я остро осознала, что больше всего на свете устала терпеть. Поэтому после рабочего дня пишу Мирону, что я согласна. Я поцелую этого долбаного мажора, каких бы трудов мне это ни стоило.

Мы с Миром продумываем мой образ на вечеринку, которым я сразила бы Тимурчика наповал. Заранее не составляю никакого плана действий, чтобы невезение не опередило меня и все не разрушило. Положусь на спонтанность.

Собираюсь я у Мирона. Не без помощи друга (с таким мне тоже не везет) завиваю волосы и делаю макияж. Затем надеваю свой наряд и смотрю в зеркало.

Маленькое черное платье, туфли на каблуках, матовая вишневая помада, изящные рожки Малефисенты, короткая кожанка, принадлежавшая сестре Мирона. Я сейчас чертовски хорошенькая, прямо модель! И совсем не похожа на себя. Обычно я ношу безразмерные джинсы, которые висят на мне, как на пугале, кроссовки и удобные футболки или худи. И я почти никогда не крашусь, но вовсе не потому, что нравлюсь себе и без косметики. Просто ненавижу ощущение макияжа на лице: мне кажется, будто я в глиняной маске.

Под конец Мирон подходит ко мне с флакончиком духов.

— Они унисекс! — говорит он, видя, что я собираюсь воспротивиться, и пшикает на меня вишневым парфюмом. — Ты его точно сразишь! — Мирон удовлетворенно

кивает, оглядывая меня с головы до ног. — Дерзай! Лови удачу за хвост, Полукарова, и не отпускай!

До загородного клуба он подвозит меня на машине.

Мы приезжаем сильно заранее и останавливаемся чуть поодаль, выжидаем.

Вот на такси бизнес-класса появляются первые гости. От нечего делать мы с Мироном обсуждаем наряды. Я сильно нервничаю, ведь все еще не знаю, как мне все провернуть и поцеловать Тимура.

При виде каждой новой подъезжающей машины останавливается сердце. «Хоть бы не он! Я еще не готова!» — с ужасом думаю я. И выдыхаю с облегчением, когда не вижу среди очередной партии гостей Тимура. Мне одновременно хочется и отсрочить момент, и закончить со всем побыстрее.

И вот останавливается еще одна машина. Шикарный черный джип, не такси.

— Это его тачка! — шепчет МIRON.

Из машины с шумом выбираются не совсем трезвые гости. С водительской стороны кто-то выходит.

Чувствую, как меня прошибает холодный пот. Это Тимур.

МIRON хлопает в ладоши.

— Давай, Полукарова, походка от бедра, волосы назад — и пошла, пошла! Он уже почти у ворот, сейчас упустишь!

Я шумно выдыхаю, открываю дверь и неуклюже выбираюсь наружу.

Кожа вмиг покрывается мурашками. Сейчас бы вернуться в теплый спортивный костюм с начесом, а не мерзнуть в дурацкой коротенькой курточке, которая совсем не греет. Но в спортивном костюме мне

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

